

Огромная глиняная лежанка, занимавшая большую часть комнаты, произвела на Чжао Дагана такое сильное впечатление, что он невольно воскликнул на родном диалекте:

— Гэ... это что за диво такое? И такая огромная?

Вэнь Юньцин вполголоса пояснил, что это называется «кан».

Он подошел к двери соседней комнаты и заглянул внутрь. Планировка была практически такой же, с той лишь разницей, что эта комната находилась в западном торце здания, подальше от главных покоев старых «чжицинов» и Ван Вэйдуна, зато ближе к продуваемому всеми ветрами сараю для инвентаря, что делало её, казалось бы, более «тихой».

Вэнь Юньцин почти не раздумывая указал на первую комнату — ту, что была ближе к старожилам — и объявил:

— Я буду жить здесь.

Как только он это произнес, лица остальных новоприбывших изменились.

Высокий худощавый парень в очках по имени Лю Вэньбинь тут же нахмурился, и в его голосе зазвучало явное нежелание:

— Здесь? Вэнь Юньцин, ты разве не видел, какие рожи были у тех людей? Тот долговязый как выразился? Поселиться у них под боком — не значит ли это напрашиваться на неприятности?

Он вспомнил едкое замечание Чжан Цяня про то, что они «приперлись как раз к обеду», и внутри у него все закипело.

Другой парень, одетый в куртку из добротного «чжидалянь», явно из обеспеченной семьи, скривился и поддакнул:

— Вот именно! Зачем навязываться, когда тебе не рады? По-моему, та западная комната гораздо лучше: подальше от них, с глаз долой — из сердца вон! Меньше будем видеть их кислые мины.

Он машинально стряхнул с одежды несуществующую пыль, словно близость к этим «грубым» старожилам могла его испачкать.

Остальные двое новичков промолчали, но в их глазах читалось полное одобрение Лю Вэньбиня и Сунь Вэйдуна. Их задело высокомерное отношение старожилков, и теперь, в пылу молодости, они чувствовали уязвленную гордость. Им казалось, что выбор Вэнь Юньцина — это проявление слабости, признание поражения, и от этого становилось досадно.

Чжао Даган посмотрел на недовольных товарищей, а затем на Вэнь Юньцина — хрупкого четырнадцатилетнего паренька. Хотя за время пути Вэнь Юньцин продемонстрировал способности, намного превосходящие его возраст — особенно мастерство в починке тракторов и умение ходить часами, не зная усталости, — в глазах Чжао Дагана он все равно оставался ребенком.

Вспомнив, как искренне Вэнь Юньцин делился с ним булочками в поезде, Чжао Даган решил, что, несмотря на юный возраст, парень он добрый, порядочный и с ним легко иметь дело. А главное, глядя на детский профиль Вэнь Юньцина, в нем всколыхнулось то самое рабочее чувство справедливости и желание защитить слабого.

Разве можно позволить такому ребенку жить одному рядом с этой недружелюбной компанией? А если ночью что случится? Или его начнут травить? Сам-то он, Чжао Даган, парень крупный, сильный, из рабочей семьи — в случае чего сможет постоять за себя и за товарища.

— Товарищ Вэнь! — голос Чжао Дагана был негромким, но исполненным непоколебимой решимости. Он четко произнес на своем чжэцзянском наречии: — Я буду жить в этой комнате с тобой!

Он сделал шаг вперед и встал рядом с Вэнь Юньцином, его массивная фигура невольно создавала ощущение защиты. Он не стал пускаться в долгие объяснения, почему выбрал именно эту комнату, но его решимость быть рядом и забота о Вэнь Юньцине были очевидны.

Вэнь Юньцин, встретившись с твердым и участливым взглядом Чжао Дагана, мгновенно понял его намерения. На душе стало тепло, и он спокойно кивнул:

— Хорошо. Тогда вы селитесь в западной комнате, а мы с Даганом останемся здесь.

Лю Вэньбинь, Сунь Вэйдун и остальные, увидев, что Вэнь Юньцин не настаивает на их компании, с облегчением выдохнули.

— Ладно, тогда мы идем на запад, — сказал Лю Вэньбинь, поправляя очки.

Они подхватили багаж и, не оглядываясь, направились к уединенной комнате. В мгновение ока группа новых «чжицинов» разделилась.

У огромной лежанки в первой комнате остались только Вэнь Юньцин, рослый Чжао Даган и их вещи. В это время Чэнь Мэй и другую девушку Хун Ин уже отвела к женской половине. Оглянувшись, Чэнь Мэй увидела, как Вэнь Юньцин и Чжао Даган заходят в комнату, расположенную ближе всего к старожилам. Заметив широкую спину Чжао Дагана, идущего следом за Вэнь Юньцином, она почувствовала, как тревога отступает, и на лице её промелькнула благодарная улыбка. С таким надежным человеком рядом Вэнь Юньцину будет спокойнее.

Вэнь Юньцин, стоя у порога, проводил взглядом товарищей, уходящих в западную комнату, и кивнул Чжао Дагану:

— Брат Даган, пошли внутрь.

Они один за другим шагнули в глинобитную комнату, пропитанную запахом старой ваты и пыли, где от потенциальной враждебности их отделяла лишь тонкая стена. В тусклом свете масляной лампы массивная лежанка казалась единственным полноправным хозяином пространства.

Вэнь Юньцин обвел взглядом кан и указал на место:

— Давай спать здесь. Брат Даган, ты ложись ближе к стене, а я с краю.

Он хотел, чтобы Чжао Даган занял более защищенное от сквозняков место, оставив себе внешнюю сторону.

— Ни за что! — Чжао Даган тут же затряс головой, в его голосе не допускалось возражений: — Ты еще мал, кости слабые, ложись внутрь! Здесь с краю тянет, холодно. А у меня кожа толстая, я к морозам привык!

Сказав это, он без лишних слов переложил свой багаж на край, оставив теплое, защищенное от ветра место у стены для Вэнь Юньцина. — Спи здесь!

Вэнь Юньцин, глядя на решительные действия Чжао Дагана и его выражение лица, не терпящее споров, почувствовал, как внутри разливается тепло. Он не стал спорить и молча разложил свои вещи у стены.

Развязав аккуратно затянутые узлы, он развернул сверток из плотного брезента. Каждая вещь в нем была пропитана глубокой заботой двух людей, ставших ему роднее родных. После того как его родители были сосланы, старый боевой товарищ отца, дядя Чжоу, вместе с женой тетей Линь, рискуя многим, приютили беспомощного Вэнь Юньцина у себя и собрали его в дальний путь.

Дядя Чжоу, человек немногословный, лишь крепко похлопал его по плечу и сунул в руку толстый конверт — там были его сбережения, накопленные вопреки всему, и продовольственные карточки. Он просил не говорить тете Линь, что это были его заначки.

А тетя Линь, работавшая в военном госпитале, женщина решительная и дотошная, вложила всю свою тревогу и любовь в этот багаж. Она приготовила восьмикилограммовое одеяло из первоклассного хлопка в плотном чехле из темно-синего брезента, который не так быстро пачкается. Под одеялом лежала толстая, в полтора пальца, шерстяная подстилка — редкая вещь, которую дядя Чжоу достал по знакомству в Монголии. Она идеально защищала от холода и сырости, идущих от глиняного кана. А еще — мягкая овчина с густым белым ворсом, которую тетя Линь берегла годами. Она настояла, чтобы он взял её с собой: «Пусть будет запах овчины, зато ты не замерзнешь! Твоя хрупкая спина не вынесет холода земли!»

Там были и добротные хлопковые комплекты белья, плотные носки, эмалированный таз с надписью «Служу народу», кружка с крышкой, зубная щетка, мыло, полотенца, армейская фляга, набор для шитья, складной нож и моток бечевки.

Остальные два свертка Вэнь Юньцин открывать не стал — там были лекарства и запас провизии.

Когда он при тусклом свете лампы выкладывал эти вещи, даже Чжао Даган, расстеливший свое тонкое одеяло, невольно замер от изумления. Его собственный багаж, хоть и был неплохим,

выглядел куда скромнее по сравнению с этим профессионально собранным «материнским» приданым.

— Товарищ Вэнь, — не удержался Чжао Даган, восхищенно качая головой, — это все твои домашние подготовили? Ну и ну! До чего же все продумано!

Он потрогал толстую шерстяную подстилку и овчинную шкуру, с завистью глядя на них: — С такими вещами зимой точно не замерзнешь!

Вэнь Юньцин нежно коснулся плотного одеяла. Кончиками пальцев он словно чувствовал тепло рук тети Линь, а в воздухе ему мерещился запах антисептика из дома дяди Чжоу и аромат домашней еды. Этот тяжелый багаж стал его главной опорой.

— Да, — тихо ответил он, — это очень хорошие люди.

<http://bllate.org/book/18784/1823317>